

УДК 39 (571.512)

КОЧЕВАНИЕ НА ПРОСТОРАХ ИНТЕРНЕТА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭВЕНКИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТАКТЕ¹

Надежда Мамонтова

Аннотация. Интернет является неотъемлемой частью социальной жизни людей, живущих не только в городах, но и в сельской местности. Некоторые исследователи даже предпочитают использовать термин «онлайновая среда обитания». В последнее десятилетие в России с проникновением интернета в отдаленные поселки наблюдается рост интернет-сообществ коренных народов Севера, в которых участники обсуждают широкий круг вопросов, касающихся родной культуры и языка (хотя наиболее активными участниками по-прежнему являются преимущественно городские жители). Автор считает, что подобные сообщества позволяют их участникам эффективнее конструировать формы культурной аутентичности и, соответственно, относительно быстрее распространять их на максимально широкую аудиторию. Данная статья посвящена одному из таких сообществ – группе «Эвенки» ВКонтакте. В ней рассматривается, каким образом эвенки, используя информационные технологии, репрезентируют современную эвенкийскую культуру. Основная проблема заключается в том, что идея использования интернета в деле продвижения эвенкийской культуры входит в противоречие с широко распространенным в общественном дискурсе взглядом на технологии, как на основную угрозу «традиционности», исконному образу жизни и даже сохранению языков коренных народов. Обсуждение этой проблемы участниками группы «Эвенки», их попытки найти выход из сложившегося противоречия, а также их представления о будущем эвенкийской культуры, находятся в фокусе статьи. Работа основана на материалах наблюдений, анкетирования, интервью и контент-анализа, собранных автором во ходе «левой» работы в группе «Эвенки» в 2013-2014 гг.

Ключевые слова: эвенки; информационные технологии; культурная аутентичность; конструктивизм; антропология интернет-сообществ

0. Введение

Интернет быстро становится неотъемлемой частью социальной жизни людей, живущих не только в городах, но и в сельской местности. Пожалуй, в Сибири не осталось ни одного поселка, в котором жители не были бы знакомы с интернетом. Например, в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края, где я проводила свою полевую

¹ Статья написана в рамках проекта «Влияние модернизационных процессов на традиции коренных малочисленных народов Севера и Сибири РФ (XX – нач. XXI вв.)» (рук. – Д.А. Функ) Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

работу, в 2007 году компьютеры, подключенные к спутниковому интернету, только появились, а в 2012 г. они уже играли заметную роль в жизни поселков: больше не нужно было ждать вертолета, чтобы отправить документы в районную администрацию, о грантовых краевых программах жители оперативно узнавали по электронной почте, а некоторые молодые люди обзавелись аккаунтами в социальных сетях. Интернет стал источником и для постановки выступлений фольклорных коллективов, и для написания школьных сочинений по краеведению, и даже для реконструкции местных «традиционных» праздников. В отношении влияния информационных технологий на полевую работу можно сказать, что наличие интернета ставит под сомнение последние попытки тех исследователей, которые все еще пытаются описать «традиционное» общество, живущее в согласии с природой, игнорируя наличие монитора на самом видном месте. Как справедливо отмечает Р. Бендикс, в поисках аутентичности люди стремятся восстановить те элементы культуры, которые существовали до эпохи модерна, но делают они это в настоящее время с помощью технологий и методов «современного» общества (Bendix 1997). Интернет открывает им новые грани для социального обмена – знаниями, традициями, технологиями. В этом отношении этнически ориентированные интернет-сообщества, на мой взгляд, позволяют эффективнее конструировать формы аутентичности и, соответственно, быстрее распространять их на максимально широкую аудиторию. Данная статья посвящена одному из таких примеров взаимодействия, основанному на чувстве этнической сопричастности, – группе «Эвенки» на сайте ВКонтакте – в одной из самых популярных социальных сетей в России, являющейся аналогом американского Facebook. Целью данной статьи является анализ того, каким образом участники группы конструируют эвенкийскую культурную аутентичность, используя информационные технологии.

1. Методология исследования и основные характеристики группы «Эвенки»

Выбор группы «Эвенки» обусловлен тем, что по сравнению с другими группами, которые были созданы для обсуждения эвенкийской культуры, она является наиболее активной, наполняемой сообщениями и новостями, а также многочисленной по количеству зарегистрированных участников. К другим эвенкийским группам ВКонтакте относятся «Тунгусы объединяйтесь», «Эвэды ВКонтакте», «Эвенкия. Горячее сердце холодного края», «Единый союз молодежи эвенков», «Эвенкийская молодежь» и некоторые другие. В Живом Журнале (ЖЖ) есть одно эвенкийское сообщество, созданное активистом Рустамом Юсуповым и являющееся аналогом сайта «Эвенгус», направленного на сбор

имеющегося материала по истории, языку и культуре эвенков. «Эвенгус» является также площадкой для освещения проектов, инициированных эвенкийскими активистами. В такой крупной социальной сети как Facebook есть только одна эвенкийская группа, которая не обновлялась с момента ее создания. Относительно личных блогов и страниц мне известно, что всего несколько человек в сети ВКонтакте ведут свои персональные страницы на эвенкийском языке и освещают «эвенкийские» новости.

Помимо частоты обновления критерием выбора группы служило наличие функции «оставить комментарий». Иными словами, меня интересовали публичные интернет-журналы, блоги и дневники с возможностью коммуникации с автором поста (записи), так как именно дискуссии между участниками сообщества находились в фокусе данного исследования. В этом отношении группа «Эвенки» хорошо отвечала данному критерию – число оставленных комментариев под записями, как и количество постов, в ней оказалось наибольшим по сравнению с другими группами, что повышало возможность проведения всестороннего анализа контента. Среди наиболее популярных, то есть набравших наибольшее количество комментариев, в группе «Эвенки» являются следующие темы: «Вопросы организации национальных районов» (408 комментариев по состоянию на 12.04.2014), «Эвэды турэнмэ таткалгат! Предлагаю развивать общение на родном языке!» (303), «Что необходимо сделать для спасения нашего народа?» (285), «Почему эвенкийки не выходят замуж за эвенков» (194), «Эвенкийские имена» (153), «Автопробег до исторической родины эвенков» (130), «Род» (120), «Этническая история» (80) и некоторые другие.

В анализе репрезентации этнической идентичности и культурной аутентичности я использовала подход к анализу дискурса, который восходит к работам М. Фуко (Фуко 1996). Иными словами, изучалась не сколько «реальность», сколько ее отображение в дискурсивных практиках участников группы, являющихся хорошим примером «воображаемого сообщества» в терминах Б. Андерсона (Anderson 1991), так как многие из них никогда не встречались друг с другом вне виртуальной реальности, но при этом большинство из них разделяет чувство принадлежности к эвенкийскому народу, которое поддерживается в том числе и благодаря группе. При этом не все люди, обсуждающие эвенкийскую идентичность на форумах и, в частности, в данной группе, являются по своему этническому происхождению эвенками. Поэтому говоря о репрезентации эвенкийской идентичности, я буду подразумевать не всех участников группы, а только тех, которые позиционируют себя в качестве эвенков.

Изучение преимущественно текстового материала в интернете сопряжено с рядом ограничений, к которым относится то, что участники

могут как поддерживать живой диалог, отвечая спонтанно, так и спустя некоторое время, сначала обдумав свой ответ. У них есть выбор – отвечать на вопросы или комментировать ответы других людей, они могут возвращаться к диалогам спустя какое-то время и даже корректировать собственные ответы, не говоря уже о возможности частного общения (см. Crichton and Kinash 2003). Наличие подобного выбора позволяет членам интернет-сообщества использовать различные способы отложенной коммуникации, включая избегание нежелательных ситуаций общения. Последнее антрополог Т. Боэлсторфф назвал стратегией «отсутствия за клавиатурой» (Boellstorff 2008: 112). Наконец, комментарии могут быть удалены модераторами и, следовательно, уже не попадут в фокус исследования. Иными словами, в интернете зачастую приходится довольствоваться только той информацией, которая доступна в данный момент времени, что, впрочем, не сильно отличает изучение интернет-сообществ от работы в традиционном «поле». Однако самым важным ограничением является, пожалуй, редуцирование каналов получения информации до анализа печатного текста, иначе – проблема «отсутствие тела» (Markham 2004: 150-152).

Методы исследования интернет-сообществ сходны с теми, что антропологи обычно используют в «поле», хотя их применение адаптировано к особенностям виртуального взаимодействия (см. Kendall 1999; Hine 2002; Murthy 2008). Так, основными методами моего исследования являлись виртуальное включенное наблюдение (я непосредственно являлась участницей группы и изредка публиковала сообщения, в том числе на эвенкийском языке), интервью с модераторами (проходило в форме переписки в «личных сообщениях» и, соответственно, не было видно остальным участникам группы), анкетирование и контент-анализ текстового и графического материала. Хотя мое пребывание в группах в качестве рядового участника и позволило дистанцироваться от стандартной роли ученого-антрополога в «поле», я проводила исследование открыто, все участники были осведомлены о моей работе, что является существенным положением этики в исследованиях интернет-сообществ (см. Cherny 1999; Wittel 2000; Holmes 2009). Если говорить обо мне как о члене группы, то этот статус скорее помогал в работе, нежели служил помехой, особенно при проведении интервью с модераторами, с некоторыми из которых я «дружу» онлайн уже на протяжении нескольких лет (ср. Cherny 1999: 301; LeBesco 2004: 65-69). В качестве же антрополога я проводила наблюдения с августа 2013 г. до конца апреля 2014 г. Что касается реакции членов сообщества на мое исследование, то она была различной – от нейтральной до настороженной. В частности, один из модераторов попросил меня подробнее рассказать о целях исследования, объясняя это последними событиями в стране, связанными с обсуждением в СМИ вопроса введения интернет-цензуры. Другой интер-

выолируемый начал диалог на эвенкийском языке, затем, удостоверившись, что я понимаю и могу отвечать по-эвенкийски (хотя и на «смешном», по его мнению, диалекте), перешел на русский язык, отметив, что теперь я выдержала экзамен и он готов ответить на все мои вопросы. Иными словами, как и в «реальной» жизни, в интернет-сообществах есть свои правила включения антрополога в «поле».

Отдельно нужно сказать о методе интернет-анкетирования. В исследовании использовалась анкета, разработанная мною с помощью ресурса ianketa.ru, которая содержала 18 вопросов преимущественно закрытого типа, направленных на выяснение основных причин посещения группы, а также специфики употребления эвенкийского языка. Анкета, полностью анонимная, была размещена на стене группы дважды с перерывом в несколько месяцев. К сожалению, мне не удалось набрать достаточное количество ответов (я получила 26 заполненных анкет), чтобы считать выборку репрезентативной в том случае, если под генеральной совокупностью понимать всех участников сообщества. Однако, принимая во внимание проблему низкой активности большинства членов группы, о которой я скажу далее, я все же решила использовать в своем исследовании полученные результаты, тем более что они коррелируют с данными наблюдения и интервью.

2. Коллективный портрет участников, цели и задачи группы

Согласно текущей статистике посещаемости, взятой мною у модераторов, география участников группы «Эвенки» по состоянию на август 2013 г., когда я только начала свое исследование, выглядела следующим образом: 46,5% участников из Якутска, 12,6% – из Санкт-Петербурга, 10,3% – из Москвы, 9% – из Улан-Удэ, 13% – из других мест. Распределение по крупным городам коррелирует с показателями, полученными за все время существования группы: Якутск – 28,1%, Санкт-Петербург – 8,13%, Москва – 6,0%, Дудинка – 3,87%, Нерюнгри – 3,27%. Самую большую группу составили «другие» – 50,53%. Высокий процент людей из Якутска объясняет то, что вторым по распространенности языком коммуникации после русского служит якутский язык – на этом языке время от времени публикуются не только посты, но и изредка происходит обмен сообщениями. Относительно соотношения городского и сельского населения по месту рождения и проживания членов группы данные анкетирования говорят о том, что 42,3% участников сообщества родились в сельской местности, а затем переехали в город, 23,1% родились в городе и там же жили на момент анкетирования, 15,4% родились в городе, а затем переехали в сельскую местность, и 19,2% – родились и жили в сельской местности. Таким образом, данные опроса подтвердили мои наблюдения, основанные на

просмотре личных страниц участников, о том, что большинство пользователей группы «Эвенки» – городские жители. Полученный результат был вполне предсказуем, так как именно в городах люди имеют возможность чаще пользоваться интернетом и делают это преимущественно у себя дома. При этом наиболее активными членами группы, которых насчитывается порядка 50 человек (из них 10 пишут и комментируют регулярно), выступают не студенты, как я думала ранее на том основании, что именно они являются большинством среди участников, а люди старше 30 лет, имеющие высшее образование и работающие в научной и творческой сферах. Средний возраст респондентов, заполнивших анкету, – 34,4 лет. Этот вывод подтвердили и модераторы:

Основная аудитория – студенчество и молодежь до 30 лет. Старшее поколение представлено людьми до 45 лет. Активная часть сообщества – люди 25-40 лет².

Или:

Студенты, конечно, есть, но вряд ли их можно назвать самыми активными. Они живут от сессии до сессии, им не до активничания особого. Вот закончив университет, получив работу, а вместе с ним и бесплатный интернет)))) Состоявшихся умудренных опытом людей мало и они как правило просто сидят и мониторят.

Остальные участники подключаются к дискуссиям спорадически и только в тех случаях, если тема им действительно интересна, оставаясь преимущественно пассивными наблюдателями. Несмотря на это 42,3% опрошенных заявили, что посещают группу ежедневно, а 26,9% делают это несколько раз в неделю. На вопрос об основной деятельности в группе 84,6% респондентов ответили, что просматривают последние новости и/или ветви дискуссий. Иными словами, группа используется ими скорее как источник информации, нежели платформа для обсуждения. Наряду с этим нельзя недооценивать тот факт, что некоторые участники, не проявляя видимой активности, являются распространителями информации, взятой со страницы группы. Поэтому оценить действительный размер аудитории группы «Эвенки» и нарисовать обобщенный портрет людей, составляющих эту аудиторию, представляется труднодостижимой задачей (о «воображаемой аудитории» см. Marwick, Boyd 2010):

...даже не отписываясь здесь (в группе – прим. Н.М.), наша молодежь имеет возможность видеть план мероприятий, например, а дальше идет репост в вотсап и прочее.³ В Якутске, где много студентов эвенков и молодежи эвенков, можно уверенно сказать, что есть

² Здесь и ниже все цитаты из интернета приводятся с сохранением особенностей оригинала.

³ «Вотсап» или WhatsApp – программа обмена сообщениями для смартфонов.

большая оффлайн-активность именно участников нашей группы. Другое дело, что для более мобильной функциональности молодежь выбирает опять таки вотсап и прочее.

На вопрос «Что именно Вас привлекает в группе Эвенки» наиболее популярными ответами были следующие: «Участие позволяет лучше почувствовать свою этническую принадлежность к эвенкийской культуре» (32,4%) и «Позволяет узнавать новости об эвенкийских мероприятиях» (45,9%). По этому критерию группа «Эвенки» не отличается от большинства интернет-сообществ: согласно исследованию, проведенному Б. Батлер с коллегами, получение информации является одним из доминирующих причин участия в жизни подобных групп (Butler et al. 2002). Это же мнение разделяют и модераторы: «Интернет – удобное средство для информирования оффлайн-мероприятий, используем активно».

Опрос выявил, что такой критерий, как поддержание с помощью группы связей с друзьями из родного поселка/города, не играет никакой роли в мотивации участников. Два человека, отвечая на этот вопрос, выбрали вариант «Другое». Один из них отметил, что привлекательным для него является то, что группа – это «его племя»; второй написал, что в данной группе он имеет возможность делиться фотографиями и видеороликами, а также «общаться с сородичами из разных уголков страны».

Среди вопросов, которые я задавала модераторам, были два, касавшиеся эволюции целей группы и состава участников. Никто из опрошенных мною модераторов не отметил каких-либо значительных изменений, произошедших с момента основания группы. Однако все они упоминали увеличение количества участников, что может являться результатом сознательного продвижения группы как ее модераторами, так и просто активными участниками (результаты опроса показали, что 26,9% респондентов получили приглашения от своих друзей, на первом месте находился поиск по ключевым словам):

Я в эту группу попал в первый раз, когда там и трех ста человек не было. Все было тихо – тишь да гладь. Аналогичные группы еще есть же, отсюда я вышел. Потом второй раз попал, когда было чуть меньше 500. Первый мой пост был что то вроде "давайте дотянем до 555")))) начал усиленно продвигать группу среди своих родственников, земляков... пошло-поехало. То есть сперва никакой идеи-то и не было как таковой, просто площадка для общения. Ну, еще мне удобно для работы. Так с некоторыми участниками группы, которые живут в других регионах, я делал интервью для своей газеты.

Любопытно, что Якутия, доминирующая в статистике, не является регионом с высокой долей пользователей интернетом; она составляет

всего 35,3%. Для сравнения процент пользователей в Красноярском крае – 54,9%, а на Камчатке этот показатель приближается к московскому – 65,7% (Интернет в регионах...). Поэтому стоит подчеркнуть, что, говоря о высоком проценте участников из Якутии, имеются в виду главным образом жители Якутска. Эвенки из Якутска являются наиболее активными в интернете и попадают в выделенную в ходе опроса группу городских жителей среднего возраста с высшим образованием. Многие из них, как выяснилось из интервью, знакомы в реальной жизни. Один из участников так ответил на вопрос анкеты «Что бы Вы могли предложить для улучшения группы Эвенки?»:

Группа жива и саморегулируема, наполняется в основном участниками, а не модераторами. Те же мероприятия – по большому счёту инициативы не онлайн, а оффлайн. То есть группа как социальная сеть, скорее, самодостаточна. Соответственно, вопрос об улучшениях сомнителен: сообщество получает, что хочет.

Многие исследователи интернет-сообществ отмечают, что полностью разделить онлайн и оффлайн активность их участников сложно, нередко социальное взаимодействие, начавшееся в интернете, продолжается в «реальной» жизни, и наоборот (Garcia et al. 2009: 54). Более того, отношение к интернету как к чему-то отдельному в жизни людей преуменьшает его важность в качестве неотъемлемой части повседневности, что подчеркивается большинством как западных исследователей (см. обзор: Miller, Slater 2001), так и некоторые отечественные специалисты, как показал опрос, проведенный редакцией "Антропологического форума" (Научное знание... 2011). В своей недавней статье Р. Халлетт и К. Барбер предложили рассматривать онлайн взаимодействие как часть естественной среды обитания (online habitat) (Hallett, Barber 2014). Переплетение виртуального и персонального взаимодействия проявляется в том, что активисты из Якутии используют группу в качестве ресурса для апробации и обсуждения проектов и инициатив, придуманных в «реальной» жизни, тем более что некоторые из них занимаются профессионально разработкой проектов в области эвенкийской культуры.

Объяснить высокую степень вовлеченности именно якутских эвенков в интернет-активность можно тем, что, на мой взгляд, эвенкийская интеллигенция в Якутии является наиболее многочисленной и сплоченной по сравнению с другими регионами проживания эвенков. В последнее десятилетие она выступила инициатором таких мультимедийных проектов в области сохранения эвенкийского языка и культуры, как, например, создание первого электронного пособия по эвенкийскому языку и русско-эвенкийского словаря-приложения для Android. Некоторые участники этих проектов являются членами группы «Эвенки». В частности, Александр Варламов, сын известной эвенкийской писательницы и ученой Галины Кэптукэ, модерировал группу:

Если мы обращаемся к статистике, то стоит сразу же понять одно – эвенки Якутии являются половиной всех эвенков России, поэтому нас и больше. Активность определяется тоже этим фактором – нас больше, мы сплоченные, нас замечают в регионе, нам дают возможность себя реализовать, то есть нашим властям даже выгодно, что есть активная молодежь, а про старшее поколение и говорить не надо, ассоциация эвенков Якутии зарегистрирована в СССР еще) то есть одна из самых первых по стране. У нас очень активные старейшины. И под стать им растет молодежь.

Этот комментарий интересен также тем, что мой собеседник не противопоставляет проекты эвенкийской молодежи деятельности лидеров старшего возраста. Наоборот, как и другие модераторы, он подчеркивает преемственность между поколениями эвенков. Приступая к этому исследованию, я предполагала, что эвенкийские интернет-сообщества могут рассматриваться их членами в качестве альтернативной площадки съездам и другим мероприятиям, посвященным эвенкийской культуре. Однако участники не делают такого противопоставления. На мой вопрос о сравнении съездов и интернет-сообществ один из модераторов отметил, что у них просто разные функции. Тогда как у первых функции скорее стратегические, у вторых – оперативные (информационные). Вторым затронул проблему отсутствия легитимности съездов, заключающуюся в том, что на них обычно приезжают одни и те же люди. По его мнению, интернет мог бы стать механизмом для информирования эвенков о готовящихся мероприятиях, а также для выбора членов делегаций на съезды и координирования этой работы. Иными словами, интернет должен способствовать включению большего количества эвенков в процесс принятия решений:

В долгосрочной то перспективе почему бы не стать совету эвенков тем, чем стал совет саами со своим парламентом и межгосударственными структурами? но пока мы имеем то, что имеем. съезды и их резолюции, которые не отличаются друг от друга. съезды, которые любой эвенк может назвать нелегитимными. съезды, на которые ездят одни и те же люди. и ничего далее не происходит. и тут должен подключиться интернет, координировать выбор делегатов, объять большую аудиторию... дел много.

Наконец, третий интервьюируемый мною модератор отметил, что интернет не может служить альтернативой съездов и не станет площадкой для формирования альтернативного эвенкийского сообщества по той причине, что его используют преимущественно городские эвенки, в то время как жители в маленьких поселках, по его мнению, не включены в онлайн-активность:

Интернет в формировании сообщества может конечно принести пользу, например, в том же изучении языка, но здесь присутствует в

основном народ городской или из крупных поселков, а кто в тайге, варится в собственном соку.

Как уже было отмечено выше, тезис о том, что жители сибирских поселков не пользуются интернетом, согласно моим полевым наблюдениям, не подтверждается на практике. Тем не менее, цифровое неравенство (digital divide) выражается в том, что в отличие от крупных городов, в маленьких поселках компьютер, подключенный к интернету, принадлежащий администрации, находится в коллективной собственности всех жителей, соответственно возможности его использования ограничены. При этом граница между индивидуальным и публичным настолько стерта, что пароль для выхода в интернет может быть прикреплен на самом видном месте, не говоря уже о том, что все документы в администрации располагаются фактически в открытом доступе, и каждый житель при желании может скопировать все то, что ему требуется, не ожидая для этого секретаря. Такое же отношение у жителей эвенкийских поселков и к электронной почте – нет необходимости заводить личный ящик, если есть официальный адрес, например, школы или поселковой администрации. При отправке письма достаточно указать в строке «тема» имя адресата. Интересно отметить, что коллективность использования технических средств подтверждается исследователями и в отношении рации. Так, антрополог П. Витебски писал в своем исследовании об эвенах Якутии, что во время сеансов связи с оленеводами собиралось все население поселка, становившееся на время эфира единым виртуальным сообществом людей, не видевших друг друга годами, – теперь они получали возможность общаться, пусть и таким ограниченным способом (Vitebsky 2006: 108). Иные технологические средства, с помощью которых можно выйти в интернет, например, телефоны и различного рода планшеты среди подростков в Эвенкии зачастую выполняют лишь статусную функцию, являются предметами престижа, но не используются ими прямо по назначению (об использовании мобильного телефона среди ненцев см. Stammler 2009; Штаммлер 2013). Каким образом подобное неравенство или, лучше сказать, альтернативное использование технических средств, влияет на жизнь людей в России и какие стратегии разные социальные и этнические группы при этом используют – вопрос малоизученный. Хотя этой проблемой давно занимаются западные социальные исследователи (см. Servon 2002; Fairlie 2003; Warschauer 2004; Wang et al. 2014 и др.).

0. Репрезентация аутентичности и исторического прошлого

Антрополог А. Риид пишет о том, что люди, ведущие личные блоги (интернет-дневники), нередко воспринимают их буквально как репрезентацию себя: «мой блог – это я». Это является основным отличием

блогеров от романистов, позволяющих себе лишь время от времени появляться в тексте. Блог в большей степени отражает повседневную жизнь его создателя (Reed 2006). Идея интернет-сообществ, напротив, построена на коллективной идентичности, для репрезентации которой основополагающим принципом является актуализация «мы», что не может обойтись без конструирования «мифологии», основанной на изначальном единстве эвенкийского народа, которую участники интернет-сообщества, опираясь на научные работы историков и этнографов, стремятся подчеркнуть. Как писал Ф. Барт, основополагающим элементом в определении этнической группы являются ее границы, которые конструируются членами группы с помощью актуализации тех или иных маркеров (Barth 1969). В этом плане интернет предоставляет пользователям фактически безграничные возможности поиска информации и стирает границы между ученым и блогером-экспертом. Интернет во многом изменяет привычные роли как «антрополога в поле», так и его информантов: именно информанты становятся специалистами в области своей истории и, более того, отстаивают привилегию быть ведущими экспертами по вопросам собственной культуры в случае конфликта точек зрения (см. Lane, Waitt 2001), а исследователи переходят в разряд рядовых членов группы. По этой же причине ответ информантов на тот или иной вопрос об их культуре – «посмотри у Василевич, там все написано», – известный этнографам-сибироведам, в ближайшем будущем, возможно, будет вытеснен ответом «об этом можно погуглить или в Яндекске набрать» – как написал один из участников группы «Эвенки».

При этом, как подчеркивают исследователи интернет-сообществ Д. Миллер и Д. Слойтер, интернет не порождает новые идентичности, а скорее помогает людям виртуально стать теми, кем они уже хотели быть, акцентировать наиболее благоприятные и/или желаемые характеристики группы, но эти характеристики нередко берутся из дискурсивных практик «реальной» жизни. (Miller, Slater 2011: 85). Исключением могли бы служить выдуманные профили, например, когда человек выдает себя за некогда жившего писателя или даже за неодушевленный предмет. Однако, как показало исследование, проведенное Д. Бойд и Дж. Хир на примере социальной сети Friendster, даже в таких случаях сообщество заставляет своих членов играть по установленным правилам, возвращая их к «реальности». Так, подобные профили (в сети их владельцы называют *Fakesters*) вызвали столь негативную реакцию со стороны участников, размещавших на своих страницах подлинную информацию о себе, что в итоге *Fakesters* пришлось обвинить своих оппонентов в геноциде и устроить интернет-революцию, заключающуюся в создании дублированных профилей (*Pretendsters*) критиковавших их участников (Boyd, Heer 2006).

Не менее важным аспектом исследования, как было отмечено выше, является «аудитория», наблюдающая со стороны, которая в идеале должна быть осведомлена о том, что эксперименты с идентичностью в публичном пространстве интернета являются лишь частью идентичностей людей, участвующих в этом процессе (см. Walther 2007). Отсюда возникает проблема ложной анонимности: участвующим кажется, что их общение в группе приватно, в то время как оно происходит на виду у многочисленных зрителей (Holmes 2009), что может привести к нежелательным последствиям (см. примеры в работе Boyd, Heer 2006). В этой связи стоит отметить, что для членов рассматриваемой группы обсуждение «эвенкийскости» в некоторой степени является ролевым и игровым: по крайней мере, находясь в интернете, они подключаются к дискурсу под названием «идеальные» эвенки и воспроизводят его, ориентируясь на существующие в «реальной» жизни стереотипы не только об эвенках, но и о коренных народах в целом.

В поисках аутентичности эвенкийской культуры участники группы обсуждают широкий круг вопросов, которые можно объединить в два блока, – география и история. Широкий ареал расселения эвенков особенно находится в их фокусе внимания и, на мой взгляд, является одним из важнейших элементов в репрезентации этнической идентичности, в чем я убедилась и в ходе проведения полевой работы в Эвенкийском районе (ПМП 2010а; ПМП 2010б). В воображаемой географии опрошенных эвенков четко присутствовало деление России на центр, называемый *материком*, и периферию, к которой относились земли к востоку от Урала. Несмотря на то, что географический центр России находится именно в Эвенкии, свой район они относили обычно к периферии, называя его «медвежьим углом». Информанты нередко интересовались, где еще живут эвенки, в каких субъектах федерации и за рубежом, просили меня посмотреть те или иные генеалогические сведения в архивных источниках (ПМА 2010б; ПМА 2011). С одной стороны, ощущение этнической сопричастности давало им возможность почувствовать себя не маленькой группой жителей далекого сибирского поселка, но частью большого народа, имеющего богатую историю, с другой, – некоторые мои информанты считали, что такая раздробленность препятствует сложению «единого народа». Последнее порождало у них ощущение коммуникативной изоляции, что выражалось и в подчеркивании того факта, что эвенки «разбросаны» по разным субъектам федерации и оторваны друг от друга (ПМА 2010б; ПМА 2012; ЛАА).

В этом отношении интернет открывает новые грани для социального обмена – знаниями, традициями, технологиями, и одновременно является и способом социального взаимодействия, и продуктом этих взаимодействий (см. Nine 2000: 14-38). Технологии позволяют эвенкам ви-

зуализировать пространство, например, с помощью маркирования маршрутов на картах Google-map, а также за счет размещения в группах фотографий из разных регионов проживания эвенков. Особой популярностью пользуются и этнические карты. Например, на «стене» группы «Тунгусы объединяйтесь» была размещена карта расселения тунгусских групп, взятая из книги этнографа Б.О. Долгих (Долгих 1960), под которой стояла подпись «Вот так мы когда-то жили...». Дополнительно, интернет дает возможность его пользователям совершить «кочевание», пройдя тысячи километров по ареалу расселения эвенков за доли секунды, и сделать это на виртуальных оленях. Как оказалось, оленеводство не исчезает с появлением информационных технологий, но в некотором смысле трансформируется. Так, некоторые из членов группы в шуточных картинках обыгрывают устойчивый стереотип о том, что «без оленя нет эвенка» (орон ачин – эвэнки ачин). Например, на одной из них изображено стадо оленей с подписью «Наше богатство издревле исчислялось в оленях. Размести у себя на стене стадо оленей, беднее не станешь!» (Будьте удачливы, друзья!⁴). Каждый участник мог виртуально обзавестись своим стадом оленей.

Рис. 1. «Кочевание на просторах интернета»

Антрополог Л. Робертс пишет о том, что карта может выступать символическим маркером на индивидуальном и институциональном уровнях, а для представителей власти служить своего рода тотемом, образом, обнаруживающим себя в сферах туризма и маркетинга, например, в выражении идентичности города, или в качестве символического образа массового потребления туристической продукции в виде изображений на кружках и футболках (Roberts 2012: 7). В этом отношении следует подробнее рассмотреть автопробеги, состоявшиеся в

⁴ Здесь и далее в скобках курсивом приводится перевод эвенкийских слов и фраз – прим. Н.М.

2012 и 2013 гг., которые были организованы с помощью группы «Эвенки». В этом мероприятии были объединены символические и туристические аспекты использования карты и пространства.

0.1. Автопробег как метафора кочевания

Целью автопробега 2012 г. служило поднятие этнического самосознания с помощью поездки по маршруту Якутск – Улан-Удэ – Байкал до места предполагаемого происхождения эвенков, которое, по мнению организаторов, находилось в районе Байкала, в частности, был выбран археологический комплекс глазковской культуры в Бурятии:

Сородичи, предлагаю в июне этого (2012) г. организовать эвенкийский автопробег до Байкала - до одной из стоянок неолитической глазковской культуры, которая по культурному комплексу наиболее схожа с культурой эвенков. После раздумий, предлагается избрать низовье р. Селенги в Кабанском районе Бурятии, где есть одна из таких стоянок глазковцев вокруг Байкала (если есть иные предложения, пожалуйста). Основная идея - поднятие самосознания эвенкийской молодежи, ознакомление эвенков и общественности с историей нашего народа.

В проекте были задействованы эвенки Красноярского края, Иркутской области, Якутии, Бурятии и Амурской области. Изначально мероприятие планировалось организовать силами самих участников, однако позже удалось подключить сотрудников администрации и региональные эвенкийские ассоциации. Детали поездки открыто планировались и обсуждались в специально в этих целях созданных темах. В качестве эмблемы мероприятия был разработан флаг – шаманский бубен на синем фоне, внутри бубна по кругу располагалась надпись «Мит эвэнкил» (*Мы – эвенки*). Якутия – Байкал. К истории истоков номадов тайги», а также фигура эвенка в традиционной одежде (рисунок эвенкийского художника Сергея Салаткина из Эвенкии). Этот флаг и другую атрибутику автопробега, предполагалось дарить в каждом населенном пункте, где останавливались участники. Благодаря членам группы «Эвенки» автопробег получил широкое освещение в местных и республиканских СМИ. В целом, было задействовано около 30 электронных и печатных газет, опубликовавших информацию о ходе автопробега, а небольшие репортажи, вышедшие на региональных новостных каналах, были размещены на сайте ВКонтакте. Дополнительно, были созданы группы в Twitter (<https://twitter.com/MitEwenkil>) и на сайте «Эвенгус» (<http://evengus.ru/auto/>), в которых оперативно, то есть в режиме реального времени, транслировались основные события. Завершился автопробег возведением ритуального столба «Сэвэк-Мо» и установкой мемориального камня с эвенкийскими «итыл» (*правилами*). Вот как один из участников описывает последнее событие в интернет-дневнике автопробега:

В 12 часов началось построение участников для начала мероприятий. По эвенкийской традиции все началось с обряда Чичипкавун — обряд очищения. Далее мы все вместе совершали приготовления к предстоящему шаманскому обряду, связанному с установкой камня Иты. Потом бурятская шаманка с эвенкийскими корнями совершала долгий и серьезный обряд-камлание. Все присутствующие почувствовали всю серьезность событий — Буга (Бог, небо, мир) с нами. После завершения примерно полуторачасового обряда, началась концертная программа, на которой всех порадовали коллективы центра «Арун», а также творческие коллективы из Курумканского и Баунтовского районов Бурятии. К вечеру, когда завершились основные мероприятия, участники сначала поели за общим столом, а потом все эвенки собрались на общий хоровод. Играли Дэвэ, Осорай, Мальчор (эвенкийские хороводные запевы – прим. Н.М.).

В рамках автопробега прошли семинары и круглые столы, посвященные культуре эвенков, а также мини-фестивали фольклорных коллективов. В автопробеге сочетались фольклоризированные, ориентированные на публику, элементы современной эвенкийской культуры, эксплуатирующие ее наиболее яркие символы (шаманизм, расшитая бисером одежда, хороводный танец «ёхарье»), и приватные, например, «кормление» духов местности – обряд, который знают и выполняют многие эвенки, вне зависимости от того, живут ли они в тайге или в поселке. Однако за счет интернет-трансляции этот обряд перешел из приватной в публичную сферу:

Спустившись с перевала, мы решили поблагодарить его дух, сделав обряд Имты — привязав на ветви деревьев отрезки материи. К слову сказать, для общения с духами-хозяевами подобных мест мы наготовили множество мелких монет, которыми задабривали их во время пути.

Рис. 2. Бубен – символ автопробега 2012 г.

В связи с тем, что автопробег прошел успешно, в 2013 году участники решили повторить это мероприятие и посвятить его эвенкийскому

языку. По замыслу организаторов – снова эвенков из Якутска – на этот раз автопробег должен был стартовать на берегах Байкала открытием языкового лагеря для молодежи. В тот год участники расширили географию автопробега за счет включения в маршрут посещения Эвенкийского хошуна в КНР. Отбор участников проходил по следующим критериям, обозначенным в сообщении одного из организаторов:

В двух словах – приглашаются эвенки от 18 до 30 лет (желательно холостые – не замужние). Просим от каждого поселения, где живут эвенки, постараться направить хотя бы по 1 человеку.

Наряду с автопробегом в 2013 году параллельно прошел велопробег по сокращенному маршруту. Это предложение вызвало большой энтузиазм среди участников группы. Приведу отрывок беседы, в которой они выясняют, на чем лучше ехать: на велосипеде, снегоходе или лодке:

Участник №1: Идея замечательная - молодежная и весьма тунгусская)). Думаю наиболее массовой получится часть "Улан-Удэ - Дулан (Энхалук)". А в более сложных вариантах лучше участвовать опытным веллерам. Автомобилисты (мы т.е.) поддержим как сможем.

Участник №2: Велосипедач айа! Нян снегоходач тугэниду нян мотоцикалачта ай бимчэ:-) (На велосипеде хорошо! На снегоходе зимой и на мотоцикле тоже было бы хорошо)

Участник №1: Снегоходит - карчива со кэтээ нада))) (На снегоходе нужно много денег)

Участник №3: Можно и на лодке тадададааааа...)))

Участник №2: Снегоход-хорошо, велосипед-хорошо, лодка- айа, машина- тоже айа, когда оленей -нету)))главное, организовать!:-)

Участник №1: Снегоход - эр ая, пароход - нян ая... велосипед... тыргимэн.. Эвенки бэеду экун-да ая, лишь бы Нэнэдевки..)) (Снегоход – это хорошо, пароход – тоже хорошо... велосипед... пешком (тыргимэт). Эвенкийскому человеку на чем угодно (экунди-да) хорошо, лишь бы идти / двигаться).

Основным выводом дискуссии, на мой взгляд, является последний комментарий, оставленный участником № 1, который отметил, что для эвенков главное – находиться в движении. Поэтому, интерпретируя смысл представленного выше диалога, можно сказать, что само движение является целью, и по этой причине оно важнее способа, которым осуществляется. Иными словами, по мнению членов группы, именно идея кочевания, перемещения в пространстве, а не оленеводство, то

есть способ, является ведущим элементом репрезентации современной эвенкийской культуры.

0.2. От земледелия до оленеводства: представление об истории

В процессе установления своих границ этнической группе важно разделять мифы об общем происхождении, иметь общие исторические воспоминания, а также несколько признанных всеми членами группы элементов культуры, ощущать свою связь с родиной и разделять чувство солидарности, хотя бы между представителями элиты (Smith 2000: 65). При этом, как известно, прошлое в публичном дискурсе может конструироваться из разрозненных событий и фактов, слепленных воедино для объяснения современных процессов, о чем на примере изобретения традиций писал еще Э. Хобсбаум (Hobsbawm 1983). Феномен невольного искажения или вольной интерпретации исторических событий под влиянием опыта и памяти давно стал предметом изучения историков (см., например, Cubbitt 1999; Hamilton and Shopes 2008; Etkind 2013 и др.). По этой теме накоплен и значительный объем этнографических исследований. Среди недавних можно также назвать специальный выпуск «Этнографического обозрения» со статьями российских и зарубежных исследователей, работающих среди коренных народов Севера (Современные традиции... 2013).

В создании мифологии и переосмыслении исторического прошлого, находящегося в фокусе внимания участников группы, доминирующим подходом является эссенциализм, выражающийся в стремлении сконструировать «правильную» историю. При этом они зачастую пытаются показывать «то прошлое, что «действительно было», преподнося себя как единственно верных его интерпретаторов (Сюни 2011: 82), что нередко приводит к симплификации исторического процесса. Так, некоторые участники группы пытаются сделать эвенкийскую историю более героической за счет аналогий с империей Цзинь (1115 — 1234) и, в меньшей степени, с ее маньчжурской наследницей Цин (1644 — 1912). Первая нередко называется ими «тунгусской империей». Хотя это и не является ошибкой (чжурчжэни действительно говорили на языке, который специалисты относят к тунгусо-маньчжурской группе языков), но в данном контексте, на мой взгляд, сознательно не акцентируется внимание на том, что империя Цзинь была чжурчжэньской. То есть, если обращение к глазковской культуре призвано показать архаичность эвенкийской культуры, ее древность и исконность в Сибири, то проследивание преемственности между чжурчжэньской средневековой империей и современными эвенками выдвигает последних на одну из главных ролей в мировой истории:

Историк М.В. Воробьев справедливо назвал тунгусов "народом с несправедливо неизвестной историей". Если бы у многих других народов была такая богатая и древняя история как у нашего народа, о ней знал бы уже весь мир. Посему, прошу заинтересоваться своей историей для поднятия тунгусского самосознания.

Приведу другой пример, в котором участник проводит параллель между эвенками и тунгусскими народами севера Китая, рассуждая о происхождении «тунгусов»:

Тунгус – это древнее название. Примерно 2000 лет назад "Тунгусами" называли народ живущий на севере Китая, которые питались в основном свининой и по большим праздникам ели собачатину (кстати, в Северной Америке индейцы племён сиу по большим праздникам тоже употребляли в пищу собак). Тунгусам родственны такие народы как корейцы, а ещё ближе маньчжуры, т.к. эти народы никогда не отрицали своё родство с древними тунгусами. А современные эвенки (тунгусы) очень сильно смешались с другими народами Севера, в том числе и русскими.

Тема чжурчжэней была затронута им постом ниже. Примечательно, что среди факторов, способствовавших единству эвенков, был назван «единый тунгусо-маньчжурский язык», доказывающий родство между тунгусскими народами (отмечу, что «народная этимология» – довольно популярная тема среди участников группы, дискуссии вокруг топонимических и других терминов неизменно набирают множество комментариев):

Потомки древних чжурчжэней, рассеянные по бескрайним просторам Сибири, – от Тихого океана до Оби, не растворились среди других племен и народов, не канули в небытие. И сохранились им как единой народности помог единый тунгусо-маньчжурский язык и единый для всех рассеянных групп национальный фольклор – теперь уже устное поэтическое творчество.

Однако несмотря на популярность маньчжурской истории, идея тунгусо-маньчжурского родства в целом представлена слабо. На мой взгляд, для участников группы «Эвенки» важнее налаживание связей внутри представителей эвенкийского народа, что отличает их, например, от финно-угорских интернет-активистов, для которых, напротив, идея финно-угорского родства представляется одной из центральных тем, или татарских сайтов, участники которых обсуждают идеи пантюркизма (Suleymanova 2009). Для эвенков на первый план выходит кооперация как с сородичами, живущими в регионах России, так и в Китае. За последние десять лет было организовано несколько поездок в Китай для обмена опытом между разными регионами Сибири и Эвенкийским автономным хошуном КНР (ПИМА 2010а). Причем, например, в Эвенкии сближение с китайскими эвенками произошло в процессе

дистанцирования от коренных народов Европы и Америки. На данный момент многие мои информанты, занимающиеся охотой и оленеводством на коммерческой основе, видят в качестве своих будущих партнеров именно китайских эвенков. В рассматриваемой группе последние позиционируются как «наши», подчеркивается именно кровное родство. Так, несколько участников в ходе обсуждения происхождения эвенкийских родов сообщили о том, что в Китае возможно живут их родственники, откочевавшие туда во время революции:

Эвенки в Китае только во внутренней Монголии хорошо живут, потому что их там много и они могут противостоять огромному китайскому миру. Однажды в Хэйхэ с нашими эвенками произошел случай. Сидят себе в кафе, едят. Стали по-эвенкийски разговаривать, а официантка, которая их обслуживала, вдруг как заплачет и повторяет за ними слова эвенкийские... Оказывается, она наша, из амурских, которые в революционные годы за кордоном остались. Там где-то и наши родственники по Хингану кочуют, если не растворились в городе.

Другими народами, помимо маньчжуров, с которыми члены группы нередко сравнивают себя, являются индейцы. Так, в одном посте говорится о том, что «с прославленными зверобоями из племени ирокезов или делаваров» эвенков роднят занятие охотой, умение ориентироваться на местности и склонность к путешествиям. В качестве положительных качеств индейцев названы храбрость и честность. Под сообщением об инциденте, произошедшем в 1895 году, когда представители народа хопи отказались заниматься земледелием и отдавать своих детей в школы-интернаты, один из участников оставил следующий комментарий:

Счастливы воины, идущие на гибель с верой в сердце. Нам тоже нужно увековечить в памяти и датах подвиги наших предков - одно тунгусское восстание, положившее конец красному террору чего стоит. А ведь это было совсем недавно - меньше 100 лет назад (вооруженное сопротивление 1924-1925 гг. против действий представителей советской власти, в котором участвовали коренные народы Якутии и Хабаровского края – прим. Н.М.).

Завершает образ героического прошлого эвенков тема несостоявшейся тунгусской республики на Дальнем Востоке. Этому вопросу в группе посвящена отдельная тема, я же приведу лишь один комментарий, в котором упоминается в том числе и тунгусо-маньчжурское государство Бохай, находившееся частично на территории Приморского края:

В российской и особо в советской историографии подчеркивалось, что до сношения с русскими эвенки были чуть ли не диким народом. Но никогда не любили вспоминать, что эвенки народ с 5-ти тысячелетней культурой, создавший уникальную глазковскую культуру несколько ты-

сяч лет назад, а особенно не любили вспоминать тунгусское государство Бохэй, так как коммуняки обещали всем народам, знавшим государственность, статус Советской Республики. Но кому нужна была в СССР еще одна союзная эвенкийская республика?

Как видно из приведенных выше цитат, основной проблемой, к которой постоянно обращаются участники группы, является дисперсность расселения эвенков. Хотя это и дает им некоторые преимущества, в то же время расстояние порождает проблему невозможности стабильного взаимодействия. Поэтому ключевой проблемой, постоянно обсуждаемой в дискуссиях, является нахождение путей объединения эвенков, попытки сделать этот народ более видимым уже не только в интернете с помощью размещения карт и конструирования прошлого, но и в настоящем. Именно «объединение» наряду с информированностью участников о планах и мероприятиях я бы назвала в качестве главной задачи группы. В этих целях одним из модераторов было предложено создать базу данных эвенков, живущих в России:

Ну так давайте найдем в каждом регионе нашей необъятной звезды буга активных людей. сформируем актив. начнем делать, время упускать не стоит. сейчас самый момент, который не надо упускать, потому что завтра может быть поздно - пока еще есть знатоки культуры и языка, пока еще есть шанс на возрождение.

1. Представления о будущем эвенкийской культуры и языка

Рассуждая о будущем эвенкийского народа, многие члены группы делают довольно пессимистичный прогноз. Они полагают, что эвенки в скором времени растворятся среди более крупных народов, утратят эвенкийский язык, а вместе с ним и этническое самосознание. Одним из ключевых вопросов, влекущим за собой множество комментариев, является «чистота» эвенкийского народа. Если попытки унификации истории, иногда за счет пренебрежения фактами в угоду выстраивания непротиворечивого позитивного прошлого, обычно не вызывает критики у членов группы, рассуждения об истории и современном состоянии межэтнических контактов, наоборот, нередко проходят в довольно острой форме. Все дискутирующие разделяют точку зрения, согласно которой формирование эвенков происходило в том числе и с помощью контактов с соседними народами. Однако не все народы, повлиявшие на эвенкийскую культуру, рассматриваются с одинаковым вниманием. Особый интерес представляют дискуссии участников о роли якутов в этнической истории эвенков. Вероятно, это связано с тем, что данная тема является актуальной для эвенков Якутии. По мнению дискутирующих, эвенки стремительно ассимилируются за счет браков с якутами, а также с другими окружающими их «крупными» народами – бурятами и русскими:

Культура – тут и говорить нечего. Довольно не молодая, познавшая все горести и радости прошлых веков, не прогнувшаяся и не мутированная. Хотя и есть признаки последних, но они имеют не глубокий уровень, который не затронул "коренной, чистый" народ эвенков. Другое же "дело" обстоит с "нами", полукровками. А таких ведь много, очень много.

Многие члены группы, принявшие участие в дискуссии под названием «Что необходимо сделать для спасения нашего народа?» считают, что цивилизация представляет угрозу аутентичности. Эвенкийская культура изображена в дискуссиях, с одной стороны, как очень древняя и героическая (за точку отчета берутся тунгусоязычные империи), но, с другой стороны, экологичная и миролюбивая (сравнения с индейцами). Последний образ характерен для дискурса народов Севера и, несмотря на то, что он явно не соответствует действительности, довольно устойчив. В частности, один из участников подверг сомнению тот факт, что эвенки изначально занимались охотой. Он попытался объяснить противоречие, заключающееся в том, что охотник не может быть миролюбивым, тем, что эвенки, вероятно, когда-то были земледельцами, а уже затем они перешли к охоте и рыболовству. Таким образом, критике подвергся не сам привлекательный образ, а исторические обстоятельства, приведшие к его формированию:

Тогда наши должны быть воинственными как викинги. Охотник он же воин. А наши по доброте своей душевной почему-то легко ассимилируются со всеми народами. Видимо, первоначально наши предки были земледельцами, а потом, гонимые воинственными кочевниками, вынуждены были заниматься рыбалкой и охотой, а потом и оленеводством. Я только так представляю. Иначе неувязочка получается))

Впрочем, замечание было прокомментировано другим участником, который, напротив, отметил, что эвенки не были изначально миролюбивыми, так как в древности и средневековье они участвовали в ряде сражений с «монголами, киданями и другими народами». Пассивное современное состояние эвенков он объяснил «подорванным генофондом»:

Надо собираться в поселениях т.к. кочевой образ уже в прошлом... Цивилизация бешеным темпом наступает со всех сторон, спасёт только всеобщая диаспоризация всех тунгусских племён. В г. Красноярске только проживает Эвенков, Эвенков-метисов около 2500 человек. Мы уже не те, назад дороги нет!

В целом, можно сказать, что членам группы свойствен позитивный взгляд на воинственное и/или «экологичное» прошлое, но довольно критичный на настоящее. Под «цивилизацией» в приведенных выше комментариях понимается жизнь в городах, противопоставляемая оленеводству и охоте в тайге. Отмечу, что подобная дихотомия «цивили-

зация/тайга” характерна и для коренных народов, живущих в сельской местности и не слишком оторванных от традиционного образа жизни, о чем я писала на примере Эвенкии (Мамонтова 2013а; Мамонтова 2013б). Разрушением традиционного образа жизни под воздействием «современности» коренные народы склонны объяснять и языковой сдвиг в сторону русского языка – еще один признак, трактуемый обычно как «деградация культуры» теми, кто считает, что между языком и культурой, под которой применительно к эвенкам обычно понимается лишь оленеводство, существует неразрывная связь. Это представление настолько укоренилось в общественном дискурсе, что фактически не вызывает возражения даже у тех коренных народов, которые переселились в города, но при этом сохранили свой родной язык (см. Мау 1999). Подобное мнение поддерживают и многие члены группы:

Разговаривать на эвенкийском в городе невозможно, т.к. эвенкийский можно использовать только в тайге. Такие слова как телефон, телевизор, микроволновка, холодильник и... В общем язык не будет от русского отличаться:-) ну если только "однако" не добавлять;-)

Тема языка и проблема смешанных браков вызвала оживленную дискуссию, в ходе которой участники разделились на тех, которые считают, что «настоящими» могут быть только эвенки, живущие в тайге и говорящие на эвенкийском языке, и на тех, которые полагают, что можно оставаться эвенком вне зависимости от знания языка и степени этнической смешанности: быть эвенком – это вопрос самосознания, и в этом отношении эвенком может стать любой человек. Один из участников, не являющийся эвенком, отметил, что только язык может служить основным маркером этничности. По его мнению, эвенкийская молодежь уже не вернется в тайгу, поэтому нужно направлять усилия на сохранение языка в условиях города. На этот комментарий участник диалога, чью цитату я привела выше, ответил следующее:

Да и большинство молодых людей этой группы не разговаривают на родном эвенкийском языке, потому что почти все метисы. ;-) А таёжникам некогда сидеть в нете, они просто живут и продолжают свою родословную. Пока живут таёжники, будет жив и язык! ;-))

В качестве возражения на полученный комментарий второй дискутирующий переключился на родной татарский язык, желая тем самым подчеркнуть, что только знание татарского языка позволяет ему считать себя представителем татарского народа, так как сам он родился в смешанной семье и вырос в Иркутской области:

Әйе, мин дә метис булам. Татарстанда түгел, Иркутск өлкесәдә туган. Переписьтә мин "россиянин" булдым. Ләкин татарча укыйм. Татарлар да, урыслар да минем халыкларым булалар. Татар тарихы да — минем тарихым. А если так, как у вас, то в топике вообще нет смысла. Среди русских живут все народы страны. И все (за единичны-

ми исключениями) знают русский язык и говорят на нём. Кстати, сто лет назад иврит был мёртв. Но иврит жив сейчас.

Таким образом, дискуссии о соотношении языка и этничности в интернете мало отличаются от тех, что можно услышать в эвенкийских поселках и на стойбищах. Однако, отмечу, что несмотря на скептические комментарии членов группы относительно возможности употребления эвенкийского языка в интернете, они все же время от времени его используют. Например, особой популярностью пользуются картинки и демотиваторы с надписями на эвенкийском языке. Некоторые из них являются переводом известных фраз: «Эру тыманидук, гирки? Экун тынивэ ая бичэн, тар эси тырга эру» (*С утра плохо, друг? Если вчера было хорошо, то сегодня плохо*). Под изображением стоит комментарий на эвенкийском языке, призывающий быть осторожным с алкоголем – «Ичэткэллу, бэел – экэллу умдера!» (*Будьте осторожны, люди, – не пейте!*). Другие в шуточной форме обыгрывают стереотипы, приписываемые эвенкийской культуре, как, например, на картинке, изображающей Санта-Клауса с оленем – «Орон ачин – Санта ачин» (*Нет оленя – нет Санты*). Или на картинке с шаманом: «Сама... Сисадмин гэлэвдерэн?» (*Шама... Сисадмин нужен? / Сисадмина вызывали?*). Здесь мифологические способности шамана (по-эвенкийски – *саман* или *шаман*) сравниваются с работой системного администратора.

Рис. 3. Демотиватор «Шама... Сисадмина вызывали?»

В последнее время модераторы также прилагают усилия к тому, чтобы эвенкийского языка в группе стало больше. В частности, ими была создана специальная рубрика «Эвэды турэнмэ таткалгат!» (*Давайте учить эвенкийский язык*), в которой все участники могут рассказать о себе по-эвенкийски:

Давайте писать сообщения друг другу на эвенкийском – кто не очень уверен, можно легко пользоваться словарем на Эвенгусе. Ошибки при общении за ошибки можно не считать:)). Кэ, эвэнкил – эвэды турэнмэ таткалгат! Разве мы менее разумные и способные, чем люди еврейского народа или маори?

Большинство диалогов на эвенкийском языке являются довольно простыми как с точки зрения лексики, так и грамматики. Обычно участники употребляют лишь отдельные эвенкийские слова и фразы для того, чтобы сделать свое высказывание интереснее, а также в тех случаях, когда хотят подчеркнуть «эвенкийскость» контекста. Помимо средства коммуникации, эвенкийский язык наряду с «ломаным» русским выступают и в качестве элемента языковой игры. Последнее проявляется, например, в шуточном подражании речи эвенков, плохо знающих русский язык: «Природа смотреть, шкурка на бусы и огненная вода менять» – ответ на вопрос «что делать в Туре?». Или в придумывании статусов с эвенкийскими словами: «а щас статус: нэлки эмэрэн! с наступившей вас весной, друзья-товарищи») друзья, побольше эвенкийских статусов, пропагандируйте родной язык, используйте фантазию!».

В 2010 году упоминавшийся ранее Рустам Юсупов инициировал перевод сайта ВКонтакте на эвенкийский язык силами участников группы «Эвенки». В связи с тем, что владеющие эвенкийским языком предпочитали общаться и писать на родных диалектах, а не на литературной норме, было решено на начальной стадии проекта перевести сайт на диалекты, но письменность при этом использовалась на базе стандартизированной орфографии на кириллице. К переводу могли подключиться все желающие как в качестве переводчиков, так и координаторов, задачей которых было перепроверять по словарям и грамматикам правильность написания эвенкийских слов. Тексты для перевода были выложены в открытом доступе. Объем работы составил около 30 тематических секторов, при этом основной проблемой при переводе являлась не диалектная раздробленность, а наличие новых понятий, для которых в эвенкийском языке нет аналогов. После того как 80% интерфейса было переведено, сайт ВКонтакте частично заработал на эвенкийском языке, но уже в 2014 г. из-за прекращения работы по дальнейшему переводу администрация ресурса исключила эвенкийский из списка языков. Тем не менее, работа над переводом стимулировала интерес к эвенкийскому языку и проходила одновременно с реализацией других проектов, посвященных эвенкийскому языку.

Заключение

Исследование группы «Эвенки» позволило мне выявить некоторые базовые представления городских эвенков об эвенкийской культурной аутентичности и способах ее репрезентации в интернете. К особенностям данной работы можно отнести то, что, в отличие от «поля» в проанализированных мною дискуссиях приняли участие эвенки из разных регионов, поэтому за короткий срок удалось получить мнения людей, живущих в тысячах километров друг от друга, что создавало особое коммуникативное пространство. При этом хотя это общение зачастую не происходило в режиме здесь-и-сейчас, а многие участники группы не знакомы в реальной жизни, большинство из них разделяло чувство принадлежности к эвенкийскому народу, что позволило мне говорить о группе как о «воображаемом сообществе». Результаты опроса и наблюдения показали, что поддержание этнической идентичности наряду с желанием получать информацию об эвенкийских мероприятиях лежит в основе мотивации для вступления в группу. Вместе с тем материалы интервью и анализ дискуссий свидетельствуют о том, что не менее важным для участников является и налаживание с помощью группы связей между эвенками, живущими как в различных регионах России, так и за рубежом. С помощью интервью удалось также выяснить, что наиболее активными членами группы и одновременно ее модераторами выступают представители эвенкийской интеллигенции из Якутска, которые, в отличие от большинства рядовых участников, знакомы в «реальной» жизни. Они используют группу скорее как ресурс для апробации новых идей и проектов в области эвенкийской культуры. При этом интернет-активисты не противопоставляют деятельность группы таким стандартным формам взаимодействия между представителями эвенкийской интеллигенции и лидерами как съезды и конгрессы. Напротив, они склонны рассматривать интернет в качестве лишь механизма для реализации идей, рожденных в «реальной» жизни, а также в качестве способа более успешного распространения эвенкийской аутентичности.

Список сокращений

ЛАА – Личный архив автора (переписка с информантами).
ПМА – Полевые материалы автора.

Эвенкийские интернет-сообщества

«Единый союз молодежи эвенков» – <http://vk.com/club40759717>
«Тунгусы объединяйтесь» – <http://vk.com/clubtungus>
«Эвенки и все кто живет в Эвенкии» – <http://vk.com/club14583011>
«Эвенки» – <http://vk.com/evenkil>
«Эвенкийская молодежь» – <http://vk.com/club29951392>
«Эвенкия. Горячее сердце холодного края» – <http://vk.com/evenkiya2013>

«Эвенкия» – <http://vk.com/club2429182>
«Эвэды ВКонтакте» – <http://vk.com/ewedivk>
«Мит эвэнкил» – <https://twitter.com/MitEwenkil>
«Мит эвэнкил» – <http://evengus.ru/auto/>
«Тунгусия» – <http://tungusia.livejournal.com/>
«Эвенгус» – <http://evengus.ru/>

Источники и литература

- Ali A.H.* The Power of Social Media in Developing Nations: New Tools for Closing the Global Digital Divide and Beyond // *Harvard Human Rights Journal*. 2011. Vol. 24. P. 185-219.
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.
- Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. P. 9–39.
- Bendix R.* In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.
- Boellstorff T.* Coming of Age in Second Life. An Anthropologist Explores Second Life. USA: Princeton University Press, 2008.
- Boyd D., Heer J.* Profiles as Conversation: Networked Identity Performance on Friendster // Proceeding of the Hawai'i International Conference of System Sciences (HICSS-39). January 4-6, 2006. <http://www.danah.org/papers/HICSS2006.pdf>
- Butler B., Sproull L., Kiesler S., Kraut R.* Community Effort in Online Groups: Who Does the Work and Why // *Leadership at a Distance*. Eds. S. Weisband and L. Atwater. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.
- Cherny L.* Conversation and Community: Chat in a Virtual World. Stanford: Stanford University, 1999.
- Crichton S., Kinash S.* Virtual Ethnography: Interactive Interviewing Online as Method // *Canadian Journal of Learning and Technology*. 2003. № 29(2). P. 101-116.
- Cubbitt G.* History and Memory. Manchester: Manchester University Press 2007.
- Etkind A.* Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied. Stanford: Stanford University, 2013.
- Fairlie R.* Is There a Digital Divide? Ethnic and Racial Differences in Access to Technology and Possible Explanations. Final Report to the University of California, Latino Policy Institute and California Policy Research Center. University of California Santa Cruz, 2003.
- Garcia A.C., Standlee A.I., Bechhoff J., Cui Y.* Ethnographic Approaches to the Internet and Computer-Mediated Communication // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2009. Vol. 28. № 1. P. 52-84.
- Hallett R.E., Barber K.* Ethnographic Research in a Cyber Era // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2014. № 43(3). P. 306-330.
- Hamilton P., Shopes L.* Introduction to: Oral History and Public Memories. Ed. by P. Hamilton and L. Shopes. Philadelphia: Temple University Press, 2008.
- Hine C.M.* Virtual Ethnography. London: Sage, 2000.
- Hobsbawm E.* The Invention of Tradition. UK, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Holmes S.* Methodological and Ethical Considerations in Designing an Internet Study of Quality of Life: A Discussion Paper // *International Journal of Nursing Studies*. 2009. № 46 (3). P. 394–405.
- Kendall L.* Recontextualizing 'Cyberspace': Methodological Considerations for Online Research // *Doing Internet Research: Critical Issues and Methods for Examining the Net*. S. Jones (Ed.). London: Sage, 1999. P. 57-74.

- Lane R., Waitt G.* Authenticity in Tourism and Native Title: Place, Time and Spatial Politics in the East Kimberley // *Social and Cultural Geography*. 2001. Vol. 2. № 4. P. 381–405.
- LeBesco K.* Managing Visibility, Intimacy, and Focus in Online Critical Ethnography // *Online Social Research. Methods, Issues, & Ethics*. Ed. by M.D. Johns, Shing-Ling Sarina Chen, J. Hall. New York: Peter Lang Publishing, 2004. P. 63-81.
- Markham A.N.* Representation in Online Ethnographies: A Matter of Context Sensitivity // *Online Social Research. Methods, Issues, & Ethics*. Ed. by M.D. Johns, Shing-Ling Sarina Chen, J. Hall. New York: Peter Lang Publishing, 2004. P. 141-157.
- Marwick A.E., Boyd D.* I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and The Imaged Audience // *New Media and Society Sage Journals*. Published online on July 7, 2010 (<http://nms.sagepub.com/content/early/2010/06/22/1461444810365313>).
- May S.* Critical Multiculturalism and Cultural Difference: Avoiding Essentialism // *Critical Multiculturalism: Rethinking Multicultural and Antiracist Education*. Ed. by S. May. London: Falmer Press, 1999. P. 11-41.
- Miller D., Slater D.* The Internet. An Ethnographic Approach. Oxford, UK: Berg, 2011.
- Murthy D.* Digital Ethnography: An Examination of the Use of New Technologies for Social Research // *Sociology*. 2008. 42(5). P. 837–855.
- Reed A.* ‘My Blog Is Me’: Texts and Persons in UK Online Journal Culture (and Anthropology) // *Ethnos: Journal of Anthropology*. Vol. 70, Issue 2, 2005. P. 220-245.
- Roberts L.* Mapping Cultures: A Spatial Anthropology // *Mapping Cultures. Place, Practice, Performance*. Ed. by L. Roberts. Palgrave Macmillan, 2012. P. 1-29.
- Servon L.* Bridging the Digital Divide: Community, Technology and Policy. UK: Blackwell, 2002.
- Smith A.* Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. London, UK: Routledge, 2009.
- Stammler F.M.* Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change Among Russian Reindeer Nomads // *Folklore*. 2009. № 41. P. 47-78.
- Suleymanova D.* Tatar Groups in Vkontakte: The Interplay Between Ethnic and Virtual Identities on Social Networking Sites // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. 2009. Vol. 1. № 2. P. 37-55.
- Vitebsky P.* The Reindeer People: Living With Animals and Spirits in Siberia. HarperCollins, 2006.
- Walther J.B.* Selective Self-presentation in Computer-Mediated Communication: Hyperpersonal Dimensions of Technology, Language, and Cognition // *Computers in Human Behavior*. 2007. № 23(5). P. 2538-2557.
- Wang X., Spotti M., Jufermans K., Cornips L., Kroon S., Blommaert J.* Globalization in the Margins: Toward a Re-evolution of Language and Mobility // *Applied Linguistics Review*. 2014. № 5(1). P. 23-44.
- Warschauer M.* Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
- Wittel A.* Ethnography on the Move: From Field to Net to Internet // *Forum: Qualitative Social Research*. January, 2000. Vol. 1. № 1. Art. 21. (<http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1131/2517>).
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
- Интернет в регионах России. Рейтинг субъектов РФ по числу интернет-пользователей (<http://riarating.ru/infografika/20130118/610533923.html>). Последняя дата просмотра – 26.04.2014.
- Мамонтова Н.А.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Идентичность и язык илимпийских эвенков в XX – XXI вв.». Рукопись. Москва, 2013а.
- Мамонтова Н.А.* На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада // *Этнографическое обозрение*. 2013б. № 2. С. 47-77.

- Научное знание в условиях Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 9-130.
- Полевые материалы автора (ПМА 2010). Экспедиция в Эвенкийский муниципальный район Красноярского края в рамках проекта “Землепользование и этничность в циркумполярном р-не” (рук. проекта Х. Бич), сентябрь – октябрь 2010 г.: ПМА а) пос. Тура; б) пос. Тутончаны.
- Полевые материалы автора (ПМА 2011). Экспедиция в Эвенкийский муниципальный район Красноярского края (п. Эконда) в рамках проектов “Землепользование и этничность в циркумполярном р-не” (NSF, рук. проекта Х. Бич) и Президиума РАН “Корпусная лингвистика” (рук. проекта Д.А. Функ), июнь – август 2011 г.
- Полевые материалы автора (ПМА 2012). Экспедиция в Эвенкийский муниципальный район Красноярского края (п. Тура) в рамках проекта Президиума РАН “Развитие и пополнение электронного корпуса текстов на языках малочисленных народов Сибири (на материалах ненецкого, телеутского, шорского и эвенкийского языков)” (рук. проекта К.Г. Шаховцов), июль 2012 г.
- Современные традиции в культуре народов Севера. Под ред. Д.А. Функа // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 3-108.
- Суни Р. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен: сборник статей: к 70-летию Валерия Александровича Тишкова. Под ред. Э.-Б. Гучиновой и Г. Комаровой. М.: РОССПЕН, 2011. С. 52-87.
- Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. и ред. Бр. Левченко. Киев, 1996.
- Штаммлер Ф.М. Мобильные телефоны для мобильных животноводов Севера: революция в тундре? // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 6-23.

Статья поступила в редакцию 12.05.2014 г.

Nadezhda Mamontova

NOMADISING IN THE ONLINE SPACE. REPRESENTATION OF THE EVENK CULTURE ON VKONTAKTE

Abstract. The Internet has become an inevitable part of social life. Some researchers even prefer to use a term “online habitat” referring to everyday people’s activity on the web. Over the last decade, in Russia there has been a significant growth in the number of ethnically-oriented online communities of the indigenous peoples of the North as a result of the Internet penetration into the most remote settlements (though the most active members of them are still constituted mainly by urban population). Their participants discuss a wide range of questions concerning their culture and language. The author believes that such online communities make it possible for their members to construct more effectively new forms of cultural authenticity and, therefore, relatively quickly spread them among the wide audience. This article is devoted to one of those communities, a group named “The Evenks” on VKontakte. It considers how the group’s participants represent the contemporary Evenk culture by using information technologies. However, the main problem is that an idea of the use of the Internet as a means of promotion of the Evenk culture comes into contradiction with the widely-spread view on technologies as a threat to “traditionality”, traditional way of life, and even maintenance of the Evenk language. Discussions of the community’s members surrounding this problem, their attempts to find the way out of it, as well as their thoughts on the Evenk culture’s future constitute the main focus of the article. The material was collected by the author through participant observation, interview, questionnaire survey and content-analysis during her “fieldwork” in the online community in 2013-2014.

Keywords: Evenks; Information Technologies; Cultural Authenticity; Constructivism; Cyber Anthropology.

References

- Ali A.H. The Power of Social Media in Developing Nations: New Tools for Closing the Global Digital Divide and Beyond, *Harvard Human Rights Journal*, 2011, Vol. 24, pp. 185-219.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991.
- Barth F. Introduction, *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. Oslo: Universitetsforlaget, 1969, pp. 9-39.
- Bendix R. *In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press, 1997.
- Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life. An Anthropologist Explores Second Life*. USA: Princeton University Press, 2008.
- Boyd D., Heer J. Profiles as Conversation: Networked Identity Performance on Friendster, *Proceeding of the Hawai'i International Conference of System Sciences (HICSS-39)*. January 4-6, 2006, available at: <http://www.danah.org/papers/HICSS2006.pdf>
- Butler B., Sproull L., Kiesler S., Kraut R. Community Effort in Online Groups: Who Does the Work and Why, *Leadership at a Distance*. Eds. S. Weisband. and L. Atwater. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.
- Cherny L. *Conversation and Community: Chat in a Virtual World*. Stanford: Stanford University, 1999.
- Crichton S., Kinash S. Virtual Ethnography: Interactive Interviewing Online as Method, *Canadian Journal of Learning and Technology*, 2003, no. 29 (2), pp. 101-116.
- Cubbitt G. *History and Memory*. Manchester: Manchester University Press, 2007.
- Etkind A. *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford: Stanford University, 2013.
- Fairlie R. *Is There a Digital Divide? Ethnic and Racial Differences in Access to Technology and Possible Explanations. Final Report to the University of California, Latino Policy Institute and California Policy Research Center*. University of California Santa Cruz, 2003.
- Garcia A.C., Standlee A.L., Bechkoff J., Cui Y. Ethnographic Approaches to the Internet and Computer-Mediated Communication, *Journal of Contemporary Ethnography*, 2009, Vol. 28, no. 1, pp. 52-84.
- Hallett R.E., Barber K. Ethnographic Research in a Cyber Era, *Journal of Contemporary Ethnography*, 2014, no. 43 (3), pp. 306-330.
- Hamilton P., Shopes L. *Introduction to: Oral History and Public Memories*. Ed. by P. Hamilton and L. Shopes. Philadelphia: Temple University Press, 2008.
- Hine C.M. *Virtual Ethnography*. London: Sage, 2000.
- Hobsbawm E. *The Invention of Tradition*. UK, Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Holmes S. Methodological and Ethical Considerations in Designing an Internet Study of Quality of Life: A Discussion Paper, *International Journal of Nursing Studies*, 2009, no. 46 (3), pp. 394-405.
- Kendall L. Recontextualizing 'Cyberspace': Methodological Considerations for Online Research, *Doing Internet Research: Critical Issues and Methods for Examining the Net*. S. Jones (Ed.). London: Sage, 1999, pp. 57-74.
- Lane R., Waitt G. Authenticity in Tourism and Native Title: Place, Time and Spatial Politics in the East Kimberley, *Social and Cultural Geography*, 2001, Vol. 2, no. 4, pp. 381-405.
- LeBesco K. Managing Visibility, Intimacy, and Focus in Online Critical Ethnography, *Online Social Research. Methods, Issues, & Ethics*. Ed. by M.D. Johns, Shing-Ling Sarina Chen, J. Hall. New York: Peter Lang Publishing, 2004, pp. 63-81.
- Markham A.N. Representation in Online Ethnographies: A Matter of Context Sensitivity, *Online Social Research. Methods, Issues, & Ethics*. Ed. by M.D. Johns, Shing-Ling Sarina Chen, J. Hall. New York: Peter Lang Publishing, 2004, pp. 141-157.

- Marwick A.E., Boyd D. I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and The Imaged Audience, *New Media and Society Sage Journals*. Published online on July 7, 2010, available at: <http://nms.sagepub.com/content/early/2010/06/22/1461444810365313>.
- May S. Critical Multiculturalism and Cultural Difference: Avoiding Essentialism, *Critical Multiculturalism: Rethinking Multicultural and Antiracist Education*. Ed. by S. May. London: Falmer Press, 1999, pp. 11-41.
- Miller D., Slater D. *The Internet. An Ethnographic Approach*. Oxford, UK: Berg, 2011.
- Murthy D. Digital Ethnography: An Examination of the Use of New Technologies for Social Research, *Sociology*, 2008, no. 42 (5), pp. 837-855.
- Reed A. 'My Blog Is Me': Texts and Persons in UK Online Journal Culture (and Anthropology), *Ethnos: Journal of Anthropology*, Vol. 70, Issue 2, 2005, pp. 220-245.
- Roberts L. Mapping Cultures: A Spatial Anthropology, *Mapping Cultures. Place, Practice, Performance*. Ed. by L. Roberts. Palgrave Macmillan, 2012, pp. 1-29.
- Servon L. *Bridging the Digital Divide: Community, Technology and Policy*. UK: Blackwell, 2002.
- Smith A. *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. London, UK: Routledge, 2009.
- Stammler F.M. Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change Among Russian Reindeer Nomads, *Folklore*, 2009, no. 41, pp. 47-78.
- Suleymanova D. Tatar Groups in Vkontakte: The Interplay Between Ethnic and Virtual Identities on Social Networking Sites, *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*, 2009, Vol. 1, no. 2, pp. 37-55.
- Vitebsky P. *The Reindeer People: Living With Animals and Spirits in Siberia*. HarperCollins, 2006.
- Walther J.B. Selective Self-presentation in Computer-Mediated Communication: Hyperpersonal Dimensions of Technology, Language, and Cognition, *Computers in Human Behavior*, 2007, no. 23 (5), pp. 2538-2557.
- Wang X., Spotti M., Jufermans K., Cornips L., Kroon S., Blommaert J. Globalization in the Margins: Toward a Re-evolution of Language and Mobility, *Applied Linguistics Review*, 2014, no. 5 (1), pp. 23-44.
- Warschauer M. *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
- Wittel A. Ethnography on the Move: From Field to Net to Internet, *Forum: Qualitative Social Research*, January, 2000, Vol. 1, no. 1, art. 21, available at: (<http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1131/2517>).
- Dolgikh B.O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Tribal structure of the peoples of Siberia in XVII century]. Moscow, 1960.
- Internet in Russia's regions. Rating of Russian Federation subjects by number of Internet users*. (<http://riarating.ru/infografika/20130118/610533923.html>). Last browsing – 26.04.2014.
- Mamontova N.A. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences on the theme "Identity and language of Ilimpysk Evenki in the XX - XXI centuries". The manuscript. Moscow, 2013a.
- Mamontova N.A. Na kakom iazyke govoriat nastoiashchie evenki? Diskussii vokrug kochevogo detskogo sada [What language do the real Evenki speak? Discussions on nomadic kindergarten], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013b, no. 2, pp. 47-77.
- Nauchnoe znanie v usloviiakh Interneta [Scientific knowledge in conditions of the Internet], *Antropologicheskii forum*, 2011, no. 14, pp. 9-130.
- Author's field materials* (PMA 2010), Expedition to the Evenki municipal district of Krasnoyarsk region within the framework of the project "Land use and ethnicity in the circumpolar region" (head of the project H. Beach), September - October 2010: PMA a) village Tura; b) village Tutonchani.

- Author's field materials* (PMA 2011), Expedition to the Evenki municipal district of Krasnoyarsk region (village Ekonda) within the projects "Land use and ethnicity in the circumpolar region" (NSF, head of the project H. Beach) and the Presidium of the RAS "Corpus linguistics" (head of the project D.A. Funk) June - August 2011.
- Author's field materials* (PMA 2012), Expedition to the Evenki municipal district of Krasnoyarsk region (village Tura), the project of the Presidium of the RAS "Development and replenishment of electronic corpus of texts in the languages of indigenous peoples of Siberia (based on the materials of the Nenets, Teleut, Shor and Evenk language)" (head of the project Shahovtsov K.G.), July 2012.
- Sovremennye traditsii v kul'ture narodov Severa [Modern traditions in the culture of the people of the North]. Ed. by D.A. Funk, *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 3-108.
- Suni R. Konstruiruia primordializm: starye istorii dlia novykh natsii [Constructing primordialism: old stories for new nations], *Antropologiya sotsial'nykh peremen: sbornik statei: k 70-letiiu Valerii Aleksandrovicha Tishkova*. Ed. by E.-B. Guchinova and G. Komarova. Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 52-87.
- Fuko M. *Arkheologiya znaniia* [Archaeology of Knowledge]. Transl. from French and ed. by Br. Levchenko. Kiev, 1996.
- Shtammler F.M. Mobil'nye telefony dlia mobil'nykh zhivotnovodov Severa: revoliutsiia v tundre? [Mobile phones for mobile breeders of the North: the revolution in the tundra?] *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 6-23.